

Олег УШАКОВ

Родился в 1990 году в Москве. Окончил факультет журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Работал журналистом в газете «Собеседник», на телеканале ТВЦ и портале Time Out. Сейчас – копирайтер в частном вузе.

Живет в Москве.

ПАПЫ БОЛЬШЕ НЕТ

Мы шли по улице, падал снег, мама держала папу за руку, чтобы не поскользнуться на льду и не испачкать шубку. Шубка была не новая, а бэушная, но мама была рада и такой. Она давно уговаривала папу купить ей норковую шубку и теперь надевала ее только по особым случаям. В тот вечер мы возвращались из гостей, и я думал, что раз мама держит папу за руку, то они больше никогда не будут ссориться и разводиться.

Дорогу нам перегородили двое мужчин. Несмотря на мороз, они были без шапок. Тот, что повыше, расстегнул куртку и выпятил огромный живот размером со стиральную машинку. Я испугался, сердце забарабанило, в ушах зазвенело так сильно, что я не расслышал их первых слов. А слова были неприятные. Высокий спросил, куда это они идут такие красивые, а его коротконогий спутник протянул лапу и потрогал мамину шубку. От них пахло перегаром.

Я спрятался за мамой, хотя был достаточно взрослым и мог хотя бы попытаться отпихнуть ближайшего ко мне мужика или ударить его между ног. Но я не попытался. Мне стало так страшно, что я даже не мог бежать.

И тут я услышал не то рев, не то рык и почему-то вспомнил кабанов и кабанчиков, носившихся по загону на экоферме. Это был папин боевой клич. Он дважды ударил высокого мужика по лицу, а затем повалил на снег коротконого, который лапал мамину шубку. Папа сел на упавшего противника и замахнулся кулаком, целясь в щекастую раскрасневшуюся морду, но удар не нанес.

– Живи, скотина, – прохрипел папа, и я еще долгие годы не слышал ничего более brutального.

– Ладно, ладно, – бубнил папин противник, косясь на своего друга, скрючившегося на тротуаре.

Я подал папе оброненную шапку, и мы поспешили домой, оставив позади двух побитых мужиков. Крови на снегу я не видел, но отчетливо

ее себе представлял. Возможно, даже вместе с выбитым кариозным зубом.

Мама вцепилась в папу, и после сумбурных фраз, описывающих ее возмущение произошедшим, она назвала его своим героем. Мой герой. Не слюнтяй, не тряпка, не рохля, не лапша, не тюфяк, а мой герой. Мама произнесла это с тем восхищением, с каким она обычно говорила о дорогих украшениях и изысканных блюдах, но никак не о человеке, который, по ее всегдашнему выражению, изгадил ей всю жизнь. Я шел позади и любовался своими родителями, как будто впервые их увидел. Я даже заплакал от переизбытка чувств, и мама с папой подумали, что мне до сих пор страшно. Но это был не страх, а гордость за родителей.

Ночью я долго не мог заснуть, прокручивая в уме сцену с дракой и дополняя ее новыми деталями. Так, например, появилась кровь на снегу. Пара капелек попали на мамину шубку, и за это папа еще сильнее отлупил мужиков. Собрались зрители, которые хором восторгались папиной смелостью и силой. Один из прохожих оказался мастером спорта по боксу и предложил тренировать папу, после чего бои с его участием стали показывать по телевизору. В конце концов я вытеснил папу из своих фантазий и сам стал знаменитым боксером, нокаутирующим одного соперника за другим на глазах у мамы, сидящей на трибуне в белой шубке.

На следующий день мы с мамой сходили в магазин и купили для папиной коллекции зажигалку в виде револьвера. Он хранил их на полочке на балконе: сувенирные зажигалки в форме собаки, гранаты, туфельки, крабьей клешни и так далее. Мне разрешалось трогать и рассматривать фигурки только в присутствии взрослых, чтобы я ничего не сломал и не поджег себя вместе с балконом.

Зажигалка стала последним подарком, который папа получил от мамы. Когда он ушел в другую семью, мама покидала зажигалки в мусорный пакет и, не обращая внимания на мою истерику, вместе с другими его вещами выбросила в окно. На тротуаре стоял папин друг и следил за тем, чтобы мама случайно не прибила кого-нибудь из прохожих.

– Пистолетик, мамочка, пистолетик! – кричал я.

– Отцепись! Какой пистолетик? Да отцепись ты от меня!

– Папин пистолетик, – рыдал я.

– Нету больше никакого пистолетика! И папы больше нету! – сказала мама.

В течение следующих восьми лет я не видел папу. Несколько раз мы разговаривали по телефону по случаю моего дня рождения, но потом умерла бабушка, и папе больше никто не напоминал о моих днях рождения. Мне объяснили, что папа плохой, и я легко в это поверил, поскольку у меня сохранилось о нем не так уж и много приятных воспоминаний. Мне запомнились поездки на экоферму, где папа ставил окна и заигрывал с девушкой-конюхом. Совместные просмотры футбольных чемпионатов. Поход в боулинг-клуб... Папа так надрался, что выронил шар, пополз за ним на карачках и улегся на дорожке, забыв, зачем и куда ползет.

Ну и, конечно, я часто, чуть ли не ежедневно, вспоминал ту драку на заснеженной улице. При каждом удобном случае я всем кому ни попадя – одноклассникам, знакомым, девушкам на первом свидании – рассказывал о том, как однажды папа защитил нас с мамой от хулиганов, которые были на две головы выше его. Наверное, я тем самым оправдывал

его за то, что он нас бросил. Не знаю. Мне хотелось об этом рассказывать, вот я и рассказывал.

Как-то раз я подрался со старшеклассником. Это был долговязый детдомовец, который все время ходил в одной и той же толстовке и воровал канцтовары. Он бил наотмашь, не прицеливаясь, я уворачивался и целился в корпус. Было приятно впервые ощутить плотность и одновременно податливость человеческого тела. Оно как будто создано для того, чтобы его били. Под конец драки я кричал, сам себя не слыша: «Живи, скотина, живи!»

После окончания школы я сам жил немного по-скотски: дискотеки, пьянки-гулянки, случайные связи. Потом наступила унылая пауза в виде службы армии, а через год опять начались пьянки-гулянки с вялыми попытками доучиться в вузе. Во время очередной драки на место происшествия прибыли сотрудники полиции. Когда мне заламывали руки, я ударил одного из полицейских. Тело сержантика оказалось таким же податливым, как и любое другое. Маме и отчиму пришлось пройти через многое, чтобы собрать деньги и добиться для меня условного осуждения. Папа не дал ни копейки. Правда, как я узнал позднее, мама не сообщила ему о судебном процессе и не попросила помощи.

Спустя восемь лет после того, как коллекция сувенирных зажигалок вместе с другими вещами отца полетела с балкона, мне позвонила его очередная возлюбленная. У него случился третий сердечный приступ. Она была в растерянности, просила приехать, и я не смог ей отказать. Мы встретились с ней в отделении реанимации, уверенные, что больше не увидим отца в живых.

Новой подружкой отца оказалась пухлогубая девушка примерно моего возраста. А старикан-то молодец, подумал я чуть ли не с завистью. Мы сидели через стул друг от друга и молчали. Время от времени к посетителям выходил дежурный врач, который докладывал о самочувствии пациентов. Одной женщине он сказал, что ее мама находится в критическом состоянии.

– Может, мне лекарства какие привезти? – спрашивала женщина, глотая слезы.

– У нас есть все необходимое.

– Может, какие-то дорогие... Чем я могу ей помочь?

– Позвольте мне вернуться к работе. Мы сделаем все, что в наших силах.

Я был уверен, что когда в следующий раз врач выйдет из реанимации, он повторит нам все то же самое. Надежды нет, но мы сделаем все необходимое. Вежливо, с прискорбием. Через час врач назвал имя отца, и мы с его девушкой подскочили со своих мест.

– Он просил передать, что пока Виталик не вернет ему долг, он не собирается умирать, – с улыбкой сказал врач.

Я не понял, что за бред он несет, и снова назвал имя отца. Точно ли мы говорим об одном и том же пациенте.

– Виталья – это его друг, – объяснила отцовская подружка, – он ему три тысячи должен.

Вот скотина, подумал я. Мы тут сидим, переживаем, а он шутки шутит. На языке вертелись эпитеты, которыми на протяжении восьми лет мама с бабушкой подпитывали отцовский образ, – эгоистичный, самовлюбленный, безответственный, инфантильный... Захотелось кого-нибудь ударить, но кругом было столько скорби и уныния, что мой гнев быстро угас. Врач сообщил, что примерно через неделю его

переведут из реанимации в обычную палату и тогда его можно будет навестить.

Я решил, что ни за что не навещу отца, но через десять дней вернулся в больницу. Не знаю почему. Мне захотелось встретиться с ним, вот я и встретился. Я видел его фотографии в соцсетях, поэтому не очень удивился при виде низкого, тощего и седобородого мужичка. Мы пожали друг другу руки. Обнять меня он не попытался, впрочем, я бы и не позволил.

Мы поговорили о его здоровье, о моей работе, о пухлогубой девушке, которой он планировал сделать предложение после выписки. Когда темы иссякли, я признался, что до сих пор помню, как однажды зимним вечером он спас нас с мамой от двух амбалов.

– Ты о чем? – удивился папа.

Я напомнил ему о том вечере, когда мама выгуливала первую в своей жизни шубку, а он, словно Брюс Уиллис, раскидал мужиков, за что мама назвала его своим героем. Мой герой. Я многое бы отдал за то, чтобы какая-нибудь женщина с таким же восхищением произнесла подобную фразу в мой адрес.

– Разве мама тебе не рассказала?

– О чем? – я напрягся.

Он заглянул в пакет с фруктами, который я ему принес, как будто хотел уйти от разговора или собраться с мыслями.

– Это была не настоящая драка, – сказал папа. – Я попросил знакомых мужиков изобразить нападение. То ли за бутылку, то ли за две.

Мой ошарашенный вид его развеселил. Смеясь, он положил мне руку на плечо. Я дернул плечом, и он убрал руку.

– Зачем ты это сделал?

– Мы с твоей мамой поссорились. Уж и не помню, из-за чего.

Он достал яблоко и зараз откусил почти половину.

– Лежалые яблоки принес, – сказал отец с набитым ртом.

– Так тебе и надо.

– Да чего ты! Это же было сто лет назад! Мы с твоей мамой поцупались, как обычно. Она сказала, что, мол, я не мужик и если что-то случится, то я даже постоять за нее не смогу.

– Ты бы не смог за нее постоять?

Отец сморщился, как от зубной боли.

– Ну ты же знаешь, какая она, когда злится. Чего она только не наговорит...

Мы помолчали. Он грыз лежалое немытое яблоко, а я переваривал услышанное. Будь я подростком, я бы, наверное, сильно расстроился, почувствовал себя обманутым и разочарованным. Возможно, я бы даже предпочел, чтобы отец умер на операционном столе после третьего сердечного приступа, чем рассказал мне о своем розыгрыше. Тогда бы он остался для меня героем, пусть и эгоистичным, самовлюбленным, безответственным, инфантильным... Но теперь я не нуждался ни в каких героях и не чувствовал горечи. Только удивление.

– И мама знала, что это был розыгрыш? Знала и не сказала мне.

– Наверное, забыла. Или она не так сильно меня ненавидит, как я думал.

Я хмыкнул. Скорее всего, действительно забыла. А я благоразумно ей об этом не напоминал, догадываясь, что мама легко найдет возможность разуверить меня в отцовском героизме.

– Это было самое приятное воспоминание о тебе, – признался я.

Он догрызал яблоко и, казалось, не придавал особого значения моим словам.

– Я еще не помер, сынок. Давай сделаем так, чтобы у тебя обо мне остались еще какие-нибудь хорошие воспоминания.

Мы снова замолчали, и это молчание продлилось дольше предыдущего. А потом я засунул руку за пазуху и вытащил из внутреннего кармана куртки пистолет вальтер. Увесистый такой, металлический, с рифленой ручкой. Я наставил пистолет на папу и, придав себе максимально свирепый вид, спустил курок. Отец успел испугаться, прежде чем понял, что бутафорское дуло исторгло из себя не пулю, а пламя. Придя в себя, он заржал, и изо рта у него вылетели кусочки яблока. Один из них упал мне на джинсы.

Эту сцену я долго репетировал дома. Думал, получится забавно. А после отцовского рассказа о той ненастоящей драке мне показалось, что мой розыгрыш стал маленькой мстостью. За то, что он заставил меня испугаться в тот зимний вечер, и за то, что заставил меня восхищаться им, тогда как он вряд ли этого заслуживал.

Я подарил отцу вальтер. Оказалось, что он до сих пор собирает красивые и необычные зажигалки. В его коллекции уже больше 200 штук.

– Когда умру, они достанутся тебе, – сказал папа значительно, как будто речь шла о коллекционных автомобилях.

– Что мне с ними делать?

– Можешь продать или выбросить, а можешь продолжить коллекцию.

На прощание отец обнял меня, и я уже не возражал. Даже его колючая борода, которой он шерканул меня по щеке, не вызвала у меня отвращения.

Вечером я вышел на балкон своей съемной квартирки и забрался на табуретку, чтобы не стоять на холодном полу. За окном падал снег, дети лепили снеговика, ворона села на фонарный столб. Я посмотрел на барахло, сваленное в углу балкона. Надо будет все это выбросить, подумал я, и поставить шкафчик для зажигалок.